

"Ах, был бы я художник,
Встал бы я чутко свет
И рисовал бы только
Бумажки от конфет!"

Юнна МОРИЦ.

ТОТ, КТО В ДЕТСТВЕ читал замечательную повесть Валентина Катаева "Белеет парус одинокий", наверняка отметил то невероятное количество дореволюционных названий, фирм, шуток и привычек, что составляли жизненный фон тогдашнего россиянина. Это был не просто идеологически-выверенный текст о борьбе одесситов с царизмом и буржуизмом, но и сочное описание того самого "буржуиства" — не нарочное и безо всякой цели обеления прошлого. Так получилось! Катаев, реконструируя детство 1900-х, не мог обойти вниманием очаровательные мелочи, окружавшие сыновей преподавателя епархиального училища Петра Катаева и его супруги, малороссийской дворянки из рода Бачей. Да-да. Выдуманные дети Петя и Павлик Бачей — это сам автор и его младший брат, впоследствии ставший знаменитым хлестким писателем-сатириком Евгением Петровым. Разумеется, вся памятная сцена, где Петя оборовывает своего раздражающего, сопилвого брата: "Там, кроме плитки шоколада и нескольких соленых галетиков "Капитэн", лежала главная его драгоценность: копилка, сделанная из жестянки "Какао Эйнем". Там хранились деньги, которые Павлик собирал на покупку велосипеда. Денег было уже довольно много: копеек тридцать восемь-тридцать девять".

Именно из этих строк мы уяснили, что в той, ушедшей России существовала марка "Эйнем" и некое печенье "Капитэн", а следом приходило и другое знание — это всё делалось в России, а не в Париже, и загадочный "Эйнем" обратился "Красным Октябрем". Галеты "Капитэн" производились фабрикантом Адольфом Сиу в городе Москве, и после Революции торговый дом "А. Сиу и К^о" гордо назвался "Большевиком". Удивительно, что "Большевичка" — это уже не зефир и вафли, а мужские костюмы. "Были, кроме того, жестяные коробочки монпансье "Жорж Борман", шоколадки с передвижными картинками и маленький тортик в круглой коробке..." — продолжал искушать, а вернее, поучать Валентин Катаев. В середине 1930-х, когда советское общество начало разворачиваться к традиционно-русскому имперству — хоть бы и во внешних проявлениях — "Белеет парус..." стал интеллектуально-эстетическим "мостиком", язычно проложенным во времени. Самуил Маршак тоже не преминул заметить: "Конфеты были Ландрина, а слички были Лапшина". После Энди Уорхола, с его поп-артом, приходящим за рекламой, банками и флаконами статус произведений искусства, уже по-иному смотришь на обшарпанную жестянку из-под какао "Эйнем", на конфеты Ландрина, слички Лапшина и прочие галетки "Капитэн".

В XXI веке разразилась мода на винтаж, старину и лейблы столетней давности; на милые коробочки, в которых прабабушка хранила пуговки и нитки для вышивания. Этот запрос неплохо улавливают наши музеи — в 2010-х годах участились масштабные выставки тривиальных вещей: платьев, стульев, обложек и фантиков. Тот самый "Красный октябрь" — кирпичный дворец на Стрелке, утратив свою промышленную функцию, нынче превратился в музейно-развлекательный комплекс (на языке хипстеров — "арт-кластер": словечко, признаться, мерзкое и напоминающее "карцер"). Лично мне, человеку индустриальной культуры, — противно, что бывшие фабрики становятся "интеллектуальными пространствами" и "лофтами-корзинками". Но радует хотя бы то, что пространство — интеллектуальное. Теперь на "Красном октябре" проходит интереснейшая мероприятия, среди которых — экспозиция "Роза Эйнема", посвящённая маркетинговым уловкам, организации производства и секретам лидерства Теодора фон Эйнема.

Уроженец Германии, он приехал в Москву в 1850 году, когда во всём мире происходила своеобразная "гастрономическая революция": сладости (и конкретно — шоколад!) из товаров статусного потребления перешли в разряд обычных продуктов, доступных если не большинству, то массе. Этому способствовал экономический и научно-технический рост, за пару десятилетий удешевивший все сложнейшие процессы. Начал Эйнем с пилёного сахара и маленькой шоколадно-конфетной мастерской. На выставочных стендах — даты и вехи. Триумф паровой машины, позволившей делать сласти в невообразимых доселе количествах. Это объяснение очень кстати — на упаковках красуется надпись: "Эйнемъ. Товарищество паровой фабрики шоколадных конфет и чайных печений". Далее — эпичная встреча с Юлиусом

Гейсом — будущим компаньоном и наследником "империи Эйнема". После смерти основателя, семейство Гейс оставило знакомое имя в наименовании фабрики — уже тогда создавали, что покупатель — консервативен, любя привычное. Фамилия Эйнем и сама по себе любезно звучит — как ягода в сиропе.

Впрочем, и выставка — это погружение в "привычность". Нам предстоит путешествие в залы фабрики — уже не работающей, но всё-таки хранящей тепло воспоминаний. Прямо на входе — обёртка от лакомства

ШОКОЛАД КАК ИДЕЯ

Выставка «Роза Эйнема»

"А ну-ка отними!" Примечательно, что на советской иллюстрации была девочка, играющая с собакой и по-доброму её дразнящая, а тут — мальчик, притом обижённый и готовый к драке за свою законную шоколадку.

Громадный плакат-коллаж с изображением продукции Эйнема: помимо конфет, печений и шоколадных плиток, ещё и сладкие соусы, а также загадочный кофе из гималайского жита — то есть из особого рода ячменя. "Однажды пан Ромуальд вошёл в кухню, где мы со старушкой Козловской пили кофе "Гималайское жито", — писал Константин Паустовский в "Потоке жизни". Тут же — винные ягоды в глазури, сливочная карамель "Ирис", уже настоящий кофе "Мокка" и — та жестяночка для какао, где Павлик Бачей хранил свои несметные сокровища.

Под стеклом — роскошный альбом коммивояжера с вариантами товаров. В литературе и фельетонных опусах часто давался этот тип вёрткого мужчины с тонкими усами, одетого по моде, но при том — дёшево и нелепо, остро пахнущего одеколоном и — дорожной пылью. Разъездные посредники Эйнема предлагали сладкий товар и далали комплименты каждой толстомясой купчихе — она-то уж точно должна была прикупить "Шоколад Американский" или ведёрко бисквитного печенья с миндалём. В витринах — те ведёрки с умопомрачительными вензелями и буквицами. Рядом — эскизы для упаковки. Цветы на все лады: оптимистичный подсолнух, нежные фиалочки и конечно же, ирис — затверженный мотив орнаментов Ар Нуво.

Фантазия дизайнеров и придумщиков, работавших на фабрике "Эйнем", изумляет своим размахом: тут и серия, посвящённая Романовым, с портретами царей, и древняя Эллада, и рыцари, и Наполеон, ставший особенно востребованным в год столетия Бородинской битвы. К слову, печенье "Юбилейное", почитающееся одним из символов советского детства, впервые было выпущено в 1913 году — к 300-летию царского Дома.

Товарищество "Эйнем" держалось важнейшего принципа: всемерно использовать яркие достижения современности. Так, бурное развитие фотографии и открыточного ремесла послужило созданию фото-вкладышей с видами городов и хорошеньких девушек в кружевцах. Наибольшее внимание привлекает футуристическая серия открыток — с гипотетической Москвой XXII века. Думалось, что грядёт пора дирижаблей и воздухоплавания; люди пересядут в личные аэропланы и будут претерпевать "пробки" в небе над городом. При этом сохраняются конные экипажи и — дамские шляпы, именовавшиеся в начале 1910-х годов "бельевыми корзинами" из-за их величины. Зато угадано появление магистральных домов, действительно выросших в 1930-е годы при товарище Сталине. На небольших вкладышах — такая же фантастика "ближнего прицела", связанная с телефоном, радио-сообщением и новейшим транспортом.

Маркетинговая стратегия "Эйнема" была настолько изощрённой, что вместе с шоколадами продавались даже ноты, отпечатанные на картонных вкладышах. Исследователи полагают, что Абрикосовский товар считался вкуснее и тоньше, но Эйнем-Гейс были точно в цель, грубовато вторгаясь в подсознание обывателя.

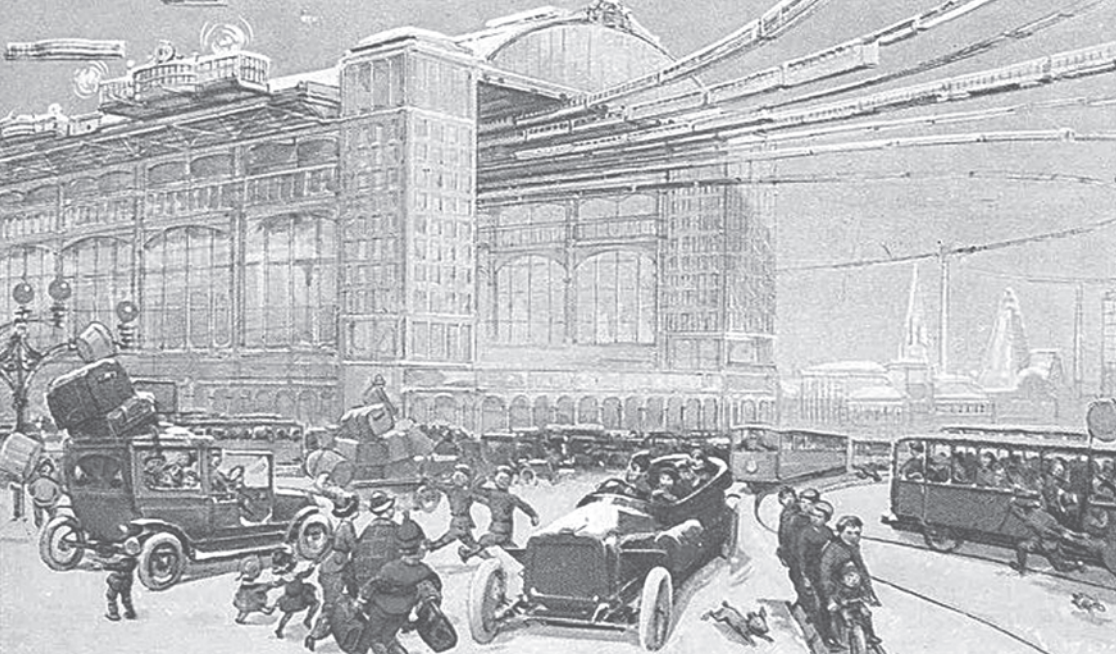
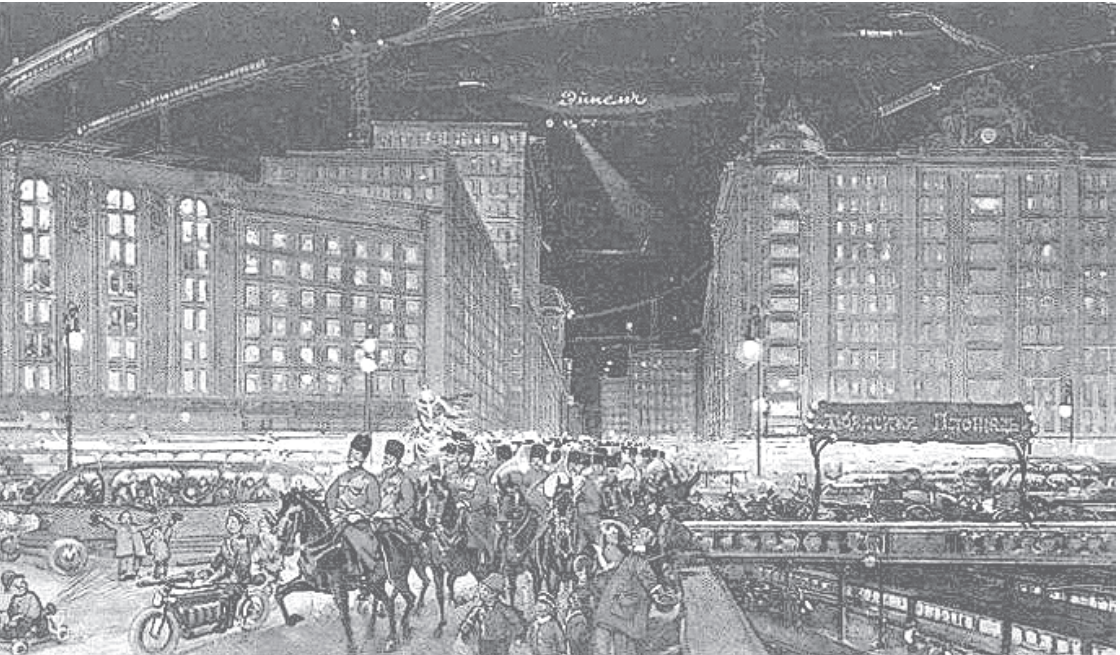
Но история не стояла на месте, а неслась с паровозными гудками, сшибая на своём пути всё и вся! Футуристическая линия перетекает в линию советскую. "Ниде, кроме, как в Моссельпроме!" — кричали плакаты, а торговый дом "Эйнем" зарделся "Красным Октябрем". Несмотря на то, что рыночные функционеры провозглашали ненависть к пирожным — этому буржуйскому наслаждению, а Юрий Олеся написал книгу-манифест о Трёх Толстяках и презренным торте, всё же пролетарии не собирались отказываться от конфеток-бараночек.

Об этом говорит ассортимент обновлённой фабрики, пополнившийся забавными образчиками с "революционной" тематикой. После фразы: "Жить стало лучше — жить стало веселее!" у фантиков и коробок появился некий респектабельный шик, жоре, дореволюционного качества принтов достичь так и не удалось. Это заметно при сравнении — пусть и беглом.

Визуальная составляющая, красившая не была преобладающим мотивом в СССР даже на пике эстетизма — в послевоенные годы, когда окончательно

печальное правило — разработки 1950-х—60-х годов продолжали использоваться до начала 1990-х, и если сейчас это — приятнейшая "ностальжи", то в позднесоветскую эру казалось надрезанным и блеклым. Более того, удачные современные эскизы практически не внедрялись в производство, так как это привело бы к удорожанию продукта или — к снижению выпуска, а в СССР главенствовало перевыполнение плана. Ассортимент оставался неизменным, и девочка с фантика "А ну-ка, отними!" была одета по моде 1950-х годов, хотя, на дворе стоял уже 1989-й. И тут нас поманили блескучими, хотя малосъедобными пакостями с продуманным слоганом...

Вот такие грустные мысли посещают на выставке, представляющей шоколадную феерию и долгочевиту — "сладкую жизнь по-московски".

Открытки из серии «Москва через 200 лет», выпущенной кондитерской фабрикой товарищества «Эйнем» в 1914 году.

утвердился Большой Стиль. К советской продукции предъявлялось прямое требование: быть вкусной или, по крайней мере, — съедобной. ГОСТы отличались суровостью, а шоколадные изделия с пометкой Made in USSR превосходили все западные ширпотребовские сласти. То, что у нас было обыденностью, в Европе и Америке признавалось шоколадом экстра-класса. Зато буржуазия хитроумно выиграла "эстетическую войну", предлагая броские обложки взамен годами не менявшихся "Алёнок", "Мишек" и "Юбилейных". Экспонаты выставки подтверждают это

Однако нас быстро возвращают в сказку — проект оформлен до того изысканно и занятно, что, наверное, сам Эйнем зааплодировал бы. И таинственная подсветка, и кукольная железная дорога, возящая по кругу разные вкусоности, и кинохроника. "Роза Эйнема" — это впечатляет. Единственное, что невяжто — при чём тут розы? Шоколадно-карамельных дел мастера обращались к розам не чаще, чем к другим дарам Флоры.

Галина ИВАНКИНА

Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» Сергей САМСОНОВ

РОМАН — ЛАБОРАТОРИЯ времени. Писатель способен на соединение любых временных отрезков, на любые "странные сближения". Он сводит в одну точку людей, которым в реальности не суждено столкнуться, соединяет события в такой последовательности, что в настоящем начинается мерцать грядущее.

Писатель волен замедлить и ускорить время, перепазутить эпоху, начать своим романом новое летоисчисление не только литературы, но и жизни. Писатель способен добавить к суткам двадцать пятый час: час прозрения великого в малом, мучучего — в немощном, сокровенного — в обыденном.

Писатель погружает время в пространство — и пространство само становится временем, рождает иное его измерение, вскрывает потаённые временные пласты. Сегодняшние воины хоронят после боя "своих мертвецов", а находят "кости и оружие собственных отцов". Кажется, копнёшь чуть глубже — и найдёшь шёлком, копчугу, солончатую копё. Копнёшь ещё — и отыщешь следы первобытной стойки, тлеющее кострище, не лившившийся деревянной рукоятки каменный топор.

Разные времена соединятся, будто оголённые провода. Случится большой взрыв, после которого всё изменит свою природу, человек изменит свою сущность, в небе взойдут новые светила. Посреди жизни образуется воронка, что затянет в себя героев и предателей, врагов и друзей, дом и чужбину, жизнь и смерть... Этой воронкой станет роман.

Пространство романа Сергея Самсонова — земля. Но не та, что "благодарна оратаю", не та, по которой токуешь в долгих странствиях среди "вдов многих", не та, на которой из "Космоса видны материи и океаны.

и неживым. Время затвердело каменным углём, протянулось пластинами, подпирая ту землю, на которой растут деревья, по которой ходит человек, на которой строит он свои жилища. Но человек потревожил это косное время, погрузился в земную утробу с временем живым, надколот породу, укротил подземную тьму, чтобы роджаты из неё надземный свет.

Укротители тьмы, шахтёры Донбасса работают, "как вельможи: только лёжа", протискиваясь в туннели-артерии скрытого мира. Они, вынимая угольную опору из-под земли, берут всю её тяжесть на себя, становятся подземными атлантами. Подземелье запускает в человеке загадочные эволюционные процессы: глаза различают предметы в темноте, слух ловит малейший шорох, предвещающий обрушение. Здесь иная природа родства, когда брат тебе — тот, кто "даёт спину", то, с кем ты спускаешься в шахту в одной связке. Здесь грань между жизнью и смертью истончается настолько, что каждый подымё из шахты — "реактивное воскрешение". Здесь человек обретается о пороку так, что с него счищается вся шелуха, остаётся ничем не прикрытая, не замаскированная душа — и уже не притвориться, не солгать.

У шахты — необъяснимый зов, neodолжимо притяжение. Может быть, шахтёрский праотец был изгнан из рая за великий грех и погружён во мрак, чтобы трудом добыть искупление, чтобы, пройдя глубинными адскими тропами, вернуть человечеству Эдем. А может, напротив, праотцом был великий праведник, ушедший в шахту, как в затвор, чтобы вымолить спасение для мира.

Так или иначе, но этой тропой праотцев шахтёры идут в забой — не только на добычу, но и на поиск. Готовые добраться до ядра Земли, они крошат пласты, стремятся найти что-то невыразимое, неотмирное.

Не случайно многие из них мечтали стать космонавтами, но желанная ракета в по-

следний момент круто изменила направление, и вместо того, чтобы устремиться в бесконечное небо, буром вошла вглубь земли. "Есть горный край небесных руд, где красота — наш главный труд". В этом подземном космосе шахтёры утёрлись в пороку небывалой твёрдости. Человеческих сил на её преодоление не хватает. В мир должна прийти неуёмная мощь, способная разрушить преграду.

И такая мощь приходит — война. То ли мировая, где пересеклись интересы, воля, стратегия и дипломатия сверхдержав. То ли локальная, где сшиблись кон-

прочность связей под землёй и зыбкость всего "на-гора". Там, наверху, никто мне на помощь поверхностных не приведёт, если я упаду, если буду тонуть. Там все от тебя разбежится, чтоб ты их за собой не потянул. Там люди с тобой, пока ты идёшь вверх. Там люди составлены в пищевую цепочку, а здесь... Здесь нельзя жрать друг друга. Не какой-то моральный на это запрет, а физически просто нельзя, как есть звери, которые никогда не охотятся на подобных себе. Под землёй силочком многое надо делать совместно, а иначе раздвигат вас всех. И теперь, на войне, то же самое..."

СОЗРЕЛА НОВАЯ ПОРОДА

О романе «Держаться за землю» Сергея САМСОНОВА

кретные страны и регионы. То ли гражданская, где схватились люди, говорящие на одном языке, но заположившие в слова неведомые друг другу и несовместимые смыслы. То ли война капиталов, в которой те, кто убил дракона, стерегущего золото, сами превращаются в драконов.

Война сдетонировала так, что в жизни открылись новые потоки времени. Если раньше шахтёры, добросовестно трудясь, поддерживая огонь в семейных очагах, были погружены в бытовое время, то теперь их подхватило время историческое. Отныне грядущее в большей степени зависит от них, а не от штабов и министерств, банкиров и политологов.

Бытовое время ноторопливо, предказуемо. Оно плавно течёт по венам жизни. Историческое время — сбиивую, больно аритмией, оно, пульсируя, хлещет из пробитой аорты. Историческое время войны пытается вырвать с корнем всех, кто врос в родную землю до самой породы.

Война сдетонировала так, что сместила ту непреодолимую плиту на пути шахтёров. Но при этом образовались и адские разломы, накренилось всё мироздание. Эта плита приманичивает к войне самых разных людей. Внутри каждого идёт своя война — "смертельно тихая она". Каждый накопил в себе такие противоречия, которые разрешить можно только в Донбассе.

Каждый герой романа — молекула войны. Эти молекулы связываются в кристаллическую решётку — и в мире появляются новое вещество, соприсоединением с которым всё проверяется на прочность.

Братья Петро и Валёк Шалимовы — потомственные шахтёры. Петро в своей силе подобен голголемскому Осталу. Кажется, чтобы перевернуть землю, ему даже не нужна точка опоры. На войне с такой же исполинской мощью он будет мстить за своих малолетних детей. Валёк — поэт и художник. Он изображает чёрным углём светлые души шахтёров. Он — любимец шахты, она для него — живое существо, которое он каждый раз умоляет отвести погибель, помиловать братьев по труду. В мирное время Петро и Валёк столкнулись в любовном треугольнике, который разделился только в пору войны.

Мизмрев — чиновник украинского министерства угольной промышленности, начинавший как инженер в шахтах родного города. Война заставляет его осознать

Лютюв — русский офицер, прошедший Чечню. В России он случайно сбил ребёнка и бежал от возмездия на Украину, где уже воспламенился Майдан. По воле войны, на Донбассе Лютюв возглавил батальон ополченцев, стал сражаться за их землю, как за родной дом: "Мы за огонь. Как в каменном веке. За женатых своих, за дома, за потомство. Я — да, из России пришёл, а они? На землю эту с Марса прилетели? Живут тут, родились, отцы их деды, бабки... их земля".

Криницкий — полковник украинской армии, ветеран Афганистана, тоскующий по Красной империи: "Был сызмальства заводчен краснотой оружия, великолюбно и мощью мчавшихся по полигону, изрыгающих дым и огонь броневых мастодонтов из отцовского танкового батальона, парадными на Красной площади по телевизору, серебристо-стальными лимузинами маршалов, плывущих над чеканными рядами вооружённых сил СССР... циклопический Жуков, сокрушённые "тигры" фашистов под Прохоровкой, реактивное пламя "катюш", всеместающее огневое воздаяние Берлину".

Богун — командир украинского добровольческого батальона, сын свпившегося советского офицера, в 90-е — плаварь ОПГ, уже тогда изведавший дурман жестокой силы и безнаказанности: "Словно кто-то сказал надо всеми пацанскими, коротко стриженными для тюрьмы и войны головами: нужны ваши мышицы, животная сила, время делать так страшно, чтобы все понимали, на что ты способен ради собственной правды и жизни; кто умеет ломать, навсегда пойдёт вверх, остальные, кто гнётся и ломается, — вниз".

Артём — историк, реконструктор, раздираемый противоречиями в поисках украинской идеи и образа врага: "Единственная правда золотого века, украинского "Древнего Рима", которую он мог нащупать в глубине веков, была как будто неразрывна с изначальным миром русским: один благодатный, спасительный свет просиял тем славянам, пришёл из православной Византии, и потонул/исчез в небу церкви, заострились и ликами стали бородастые лица... Короче, Киевская Русь. Единое в немеркнущем сиянии пространство, голубым своим куполом достающее Бога. Как же это делить? Объявить этот мир, этот свет лишь своим, украинским?"

Но ведь русские церкви такие же. Отделённые от изначальной Софии веками, километрами пустошей, реками крови, но по облику, духу такие же". Во время войны Артём столкнётся с врагом не на реконструкторском, а на реальном поле боя.

Все рассредоточились по краям смещённой плиты так, чтобы мир обрёл хоть какое-то равновесие.

Батальон ополченцев Лютюва занял позиции в шахтёрском городке Кумачове. Его главная задача — через обходные пути шахты "Мария-Глубокая" зайти в тыл врага. Работа переплелась с вой-

ной, военное время потребовало стахановских норм и матросских подвигов. Шахтёры создают новый род войск — подземные войска. Они чередуют отбойные орудия и убийное оружие. Они рыют под землёй дорожки жизни, чтобы в конце исторического туннеля разглядеть свет.

Они появляются в расположении врага так, будто восстаёт сама земля. Та земля, за которую шахтёры держались, как за мать, с которой шахта их связала, как пуповина, — разрезается под врагом, становится для него могилой. Шахтёры же посмотрели на смерть, как на солнце, и не ослепли. Их взоры давно привыкли к смертоносному свечению. В их ох скопились защитная угольная пыль. День шахтёра стал Днём Победы: над родной землёй вознеслось кумачовое знамя, распростёрся Покров Богородицы Марии.

Поглаждая путь в тыл врага, ополченцы прозрели сакральную чехт шахтёрского ремесла: высвободить истину, придавленную угольными пластами и культурными слоями. Через разлом прежде непреодолимой породы в бытовое и историческое время хлынуло время археологическое — то, которое не знает человеческого лукавства. Чёрное в этом времени черно, как уголь, белое — бело, как снег. Справедливость справедлива безо всяких оговорок. Зло порицается безо всяких оправданий.

Под расколдовывание породой шахтёры нашли то, что так долго высвечивали конюгонами, что предчувствовали, но чему не знали имени, — то, воплощение чего не представляли. Кристалл, сияющий множественными гранями: "созрела новая порода, угль превращается в алмаз". Каждая грань алмаза — мечта русского человека. Мечта — свобода, открывшаяся не в "злате и булате", а в красоте Божьего мира. Мечта — благодать, ради которой нужно претерпеть. Мечта — преодоление ненависти: к раненому и обезоруженному врагу, к миру, к жизни, к себе за то, что научился ненавидеть. Мечта — рай, который нужно не искать, а беречь: мы не потеряли его, мы жили в нём, но только сейчас осознали это.

Шахтёры вынесли на-гора алмаз русской мечты. Алмаз мечты русского мира. Это сияющее чудо в трудовой угольной пыли, в смешанной с пеплом родной земле. Оттого оно стало ещё драгоценнее.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

Александр ДОМРИН. Американская элита и президентская власть: история, политика, право. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019 — 339 с.

ИНСТИТУТ системно-стратегического анализа (ИСАН), возглавляемый академиком Междунородной академии наук (Инсбрук, Австрия) А.И. Фурсовым опубликовал новую книгу постоянного автора газеты "Завтра" и члена Изборского клуба Александра Домрина. Именно на страницах нашей газеты в августе 2015 года, ещё за 15 месяцев до выборов 45-го президента США, он первым из российских экспертов заявил, что их победителем станет Дональд Трамп. Тогда этот прогноз был расценен в диапазоне от некомпетентности до издевательства, а его автор, который до того в течение более 10 лет преподавал в различных американских университетах и защитил свою докторскую диссертацию в Школе права Пенсильванского университета, альма-матер Дональда Трампа, получил "чёрную метку" и фактический "беруфсбербот", то есть "запрет на профессию" по всей территории США.

Но профессиональным учёным Александр Домрин от этого быть не перестал, и его новая книга — бесспорное свидетельство тому. Автор рассматривает комплекс проблем, принципиально важных для понимания современной Америки, пройденного ею исторического пути и перспективы дальнейшего развития.

Что такое (никем не избранные и никому не подотчётные) "американская элита" и "глубинное государство" в США? Как формируются отношения между ними и президентом страны, легитимно и демократически избранным? Как "глубинное государство" (под которым понимается своего рода гибридный корпоративной Америки со структурами национальной безопасности) и его филиал в виде "вашигтонского болота" борются против "революции Трампа". Что такое импичмент президента, когда и как он проводился ранее, каковы шансы отстранения от должности по этой процедуре действующего президента США? Может ли Трамп использовать против своих оппонентов или против руководства отдельных штатов чрезвычайные президентские полномочия, закрепленные американским законодательством?

Особое внимание в книге уделяется актуальным вопросам российско-американских отношений и антироссийскому законодательству США, в том числе — некоторым важным деталям российско-американских отношений, малоизвестным как в России, так и в США. В частности — попыткам американских спецслужб построить в нашей стране весьма специфичную версию "гражданского общества" в форме исключительно антигосударственного и антироссийского феномена. Александр Домрин подробно, с опорой на многочисленные американские источники, описывает механизмы финансирования ряда политических партий, т.н. некоммерческих организаций и "агентов перемен", как с предельной откровенностью называют наследников "позднесоветской либеральной диссидентуры" (термин Александра Дугина) сами законские купцов, указывает на нежелание, апатию, отсутствие ресурсов (в том числе кадровых) у российского государства (до последнего времени) противостоять очередному революционному нацату — под модным слоганом "содействия развитию гражданского общества".

Последняя глава монографии посвящена обстоятельному анализу кампании Дональда Трампа на выборах 2016 г. и прогнозирует его переизбрание на следующий президентский срок в 2020 году.

Одним из главных достоинств этой книги является синтез "первичной" фактологии с авторской "сверхзадачей", которую можно определить как "российско-американский синтез". В действительности "сочетать большевистский (читай, русский, — Г.С.) размах с американской деловитостью" (И.В.Сталин) никогда не удавалось, но это всегда оставалось потенциальной возможностью, иногда всё же прорывавшаяся в историческую реальность (Гражданская война в США, индустриализация СССР, Вторая мировая война). И сегодня, когда Россия сделала ставку на стратегический союз с Китаем, Америка воспринимается в качестве безусловного "врага номер один" для нашей страны, "глобального паразита", "империи доллара", закипленной на собственном величии, исключительности и т.д. Матяник российского общественного мнения после повального преклонения перед США в конце 80-х—начале 90-х годов XX века явно качнулся в обратную сторону. "Плюсы" Америки сегодня склоны, скорее, преуменьшать, а "минусы" — преувеличивать, осмевая и то, и другое (вспомним "корону" покойного Михаила Задорнова: "Ну, тупыевы!"). Трагедия Америки, оккупированной и почти полностью трансформированной международным финансовым капиталом, мало кто видит и понимает. "Америка Трампа" и "Америка Клинтон" — это, фактически, две разные страны, между которыми сегодня идёт самая настоящая война, "снаружи" воспринимаемая как "холодная гражданская".

Александр Домрин — полностью на стороне "Америки Трампа", страны изобретателей и творцов, рабочих и фермеров; он создал и ведёт в российский фейсбуке интернет-сообщество "Русские за Трампа и улучшение российско-американских отношений", поддерживает 45-го президента США в своих публичных выступлениях. При этом его нельзя назвать противником российско-китайского сближения. Его часто приглашают преподавать и читать лекции в различных китайских университетах. Автор рецензируемой книги искренне считает, что в "глобальном треугольнике XXI века", состоящем из России, КНР и США, возможна не только конфронтация в стиле "все против всех" или "два против одного" (2/3 = 666, апокалиптическое "Число Зверя"), но и некая трюическая гармония, в которой все силы важнейших государственных (вернее — государственных по базе своей, но надгосударственных по "надстройке") сообществ современности будут использованы не для "победы над врагом", а для развития и решения важнейших проблем, стоящих перед всем человечеством.

Георгий СУДОВЦЕВ